

Надер Мусави

Дом неба 1

Надер Мусави

Дом неба 1

<https://litres.ru/74029601>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Дом Неба» — глубокий и атмосферный роман, открывающий трилогию «Забывшие имена». Это история не о богах, а о людях, которые их создали, и о цене, которую им пришлось за это заплатить. Пять тысяч лет назад в величественном Уруке возвышался семиярусный зиккурат Эанна — Дом Неба. В его стенах переплетаются судьбы пяти героев: стареющего верховного жреца Эн-Киду, уставшего говорить вместо молчащих богов; его сына Лугаль-Бану, открывшего запретную дверь; молодого писца Набу-Шара и двух юных девушек, Лили и Нин-Сун, отданных в храм за долги отцов. Оказавшись по ту сторону священных обрядов, они видят изнанку божественных «чудес» и осознают опасную истину: в этом мире тот, кто управляет верой и толкует чужие страхи, обладает абсолютной властью.

Надер Мусави

Дом неба 1

Дом Неба

Книга первая из трилогии «Забывтые имена»

Боги не умирают. Они просто меняют имена.

Содержание

I Нин-Сун

II Лили

III Ночь первого обряда

IV Эн-Киду

V Набу-Шар

VI Лугаль-Бана

VII Год спустя

VIII Последняя запись

IX Табличка Нин-Сун

Несколько слов перед началом

Эта книга не о Боге.

Она о людях, которые создали богов — и о цене, которую заплатили за это.

Пять тысяч лет назад в городе под названием Урук жили люди, которые боялись ровно так же, как боимся мы, любили так же, как любим мы, лгали так же, как лжём мы, и порой — в моменты, которых не ждали — прикасались к чему-то более настоящему, чем все их ложь, и вся их правда вместе взятые.

Эта книга о тех людях. О тех мгновениях.

Не о богах.

В этой истории пятеро:

Эн-Киду — семидесятиррёхлетний мужчина, который уже пятьдесят лет каждый день простирает руки к небу и произносит слова, не зная, верны они или нет. Пятьдесят лет каждую ночь он сидит один в подземелье храма в поисках ответа. Ответа он так и не нашёл — и, по всей видимости, не найдёт.

Нин-Сун — пятнадцатилетняя девушка из деревни Лагаш, чей отец имел долги. У неё глаза, которые видят, и руки, которые не умеют молчать. История рассказана преимущественно с её точки зрения — потому что она единственная, кто пишет.

Лугаль-Бана — сын Эн-Киду, двадцати лет. Однажды ночью он случайно открыл не ту дверь и увидел то, чего не должен был видеть. Теперь ему нужно сделать выбор — и ни один выбор не будет лёгким.

Лили — девушка, приехавшая из Эриду. Каждую ночь она расчёсывала волосы гребнем, который дала ей мать, — ровно сто раз. Ану явился её отцу во сне и велел привести дочь в храм.

Набу-Шар — молодой писец из Ниппура, двадцати двух лет. Он приехал учиться письму и счёту. Но в храме было кое-что, о чём никто не предупреждал его заранее. В том числе — девушка с глазами, полными вопросов.

Город, храм и его обитатели
— *Урук*

В те времена — до того, как пришли и ушли империи, до того, как цари начали высекать свои имена на камне, до того, как мир принял нынешний облик — в те времена Урук был величайшим городом на земле.

Это понимал каждый, кто приближался к нему. Не со слов других — своими глазами.

Путник с севера шёл часами через выжженные равнины Месопотамии — те равнины, где летом воздух дрожал над землёй и горизонт колыхался, как вода. Где зимой северный ветер налетал без единой горы или дерева на пути и бил прямо в лицо. Где весной, после дождей, вдруг вся земля зеленела — словно ждала этого мига целый год.

Посреди этих равнин стоял Урук.

За день пути первыми открывались стены — высокие глинобитные стены, горевшие оранжевым в вечернем солнце.

Путник останавливался. Делал вдох. И шаги его становились быстрее.

За полдня пути показывался зиккурат — семи ярусная башня с каменными лестницами, словно не люди, а сама земля пыталась дотянуться до неба. Путник останавливался. Поднимал руку, чтобы прикрыться от солнца. И сам не замечал, как губы его шевелились — в молитве, в возгласе или просто в том безымянном звуке, который вырывается из горла при виде чего-то очень большого.

У ворот начинали доноситься звуки — живой гул города, где тысячи людей дышали, говорили, работали, ссорились, смеялись. Путник останавливался. Прислушивался. И входил.

Тот, кто входил в этот город, уже никогда не оставался прежним.

Население Урука составляло пятьдесят тысяч человек.

В те времена — примерно за две с половиной тысячи лет до нашей эры — эта цифра казалась настолько огромной, что деревенские жители, услышав её, поначалу не верили. Пятьдесят тысяч? — переспрашивали они, широко раскрыв глаза. — Разве в мире столько людей?

В мире было и больше. И большинство из них в ту эпоху жили в Уруке.

Город был обнесён стеной — стеной из сырцового кирпича, десять километров по периметру, пять метров в высоту, с сторожевыми башнями через равные промежутки. Тот, кто

смотрел снаружи, видел в этой стене преграду. Тот, кто жил внутри, видел стража. Оба были правы.

Между этими стенами кипели базары — не один, а десятки, каждый — своему товару. Рыбный рынок у канала, ткацкий — на северной улице, рынок металлов — в квартале кузнецов. И дома — от крошечных однокомнатных каморок в тёмных переулках до двухэтажных особняков купцов с внутренними дворами и прудами. И мастерские гончаров, плотников, ткачей, кузнецов, склады, храмы.

А в самом центре всего этого стоял зиккурат — как сердце, вокруг которого вращался весь город.

Зиккурат Эанна.

У зиккурата было семь ярусов. Каждый — меньше предыдущего. Выкрашенные лазурью, тёмно-красным и белым — цветами, которые были видны издали и вблизи перехватывали дыхание. Широкие каменные лестницы поднимались с трёх сторон — тяжёлые, как дорога, выстроенная для существ крупнее людей.

На вершине зиккурата находилась небольшая комната — жилище бога. Место, куда не мог войти никто, кроме верховного жреца. Место, где, по верованиям людей, Ану — бог небес — порой спускался и сидел.

И зиккурат — со всеми его ярусами, коридорами, покоем и подземельями — был храмом Эанна. Домом Неба.

Домом, в котором разворачивается эта история.

Нин-Сун

Утром, когда Нин-Сун впервые вошла в Урук, ей было пятнадцать лет. Двое суток она толком не спала. Отец привёз её сюда — и теперь отпускал её руку.

Поговорим об этой руке — о том точном мгновении, когда рука дочери выскользнула из руки отца. Потому что порой самое важное в жизни случается в те краткие мгновения, когда у человека нет даже времени понять, что что-то происходит.

Рука Нин-Сун была небольшой — рука пятнадцатилетней девушки, большую часть жизни прожившей в деревне. На пальцах — следы работы: не от тяжёлого труда, а от обычных ежедневных дел — молоть зерно, кормить скот, таскать воду из колодца. Рука, умевшая держаться крепко.

Рука отца была крупнее. Грубее. С мозолями от лопаты и серпа на ладони. Рука, за которую Нин-Сун цеплялась с тех пор, как себя помнила — с тех пор, как умерла мать, и она осталась с этим отцом и этой рукой.

В тот миг рука отца выпустила её руку.

Тихо. Без усилий. Как человек кладёт на землю груз, который нёс долго — не от равнодушия, а потому что сил нести больше нет.

Потом отец повернулся и ушёл.

Нин-Сун слышала его шаги, удалявшиеся по каменным плитам врат Урука — шаги человека, который уходит. Звук становился тише. Тише. И стих.

Нин-Сун не обернулась.

Не потому что не хотела. А потому что знала: обернись она и увидь согнутую спину отца, уходящего прочь — она не сможет удержать слёзы. А плакать она не хотела. Не здесь. Не сейчас. Не перед этим белобородым незнакомцем.

Белобородого звали Ур-Наму. Это она узнала позже.

Ему было шестьдесят три года — хотя Нин-Сун тогда этого не знала. Борода была длинной, белой с проседью, и, судя по всему, давно решила дорасти до пояса — и никто не сумел её остановить. Одежда белая — холщовая белизна, выглядевшая одновременно чистой и старой. От него пахло священным дымом и чем-то похожим на сухие травы.

Но главным были его глаза.

Странного цвета — не карие, не зелёные, что-то между. Цвет речной воды в половодье. Цвет дня, когда небо ни ясное, ни пасмурное. Цвет чего-то, чему не подберёшь названия, но что узнаёшь: видел. Может быть, цвет ила.

Нин-Сун поняла это гораздо позже — что этот цвет что-то означал: что перед ней человек, который знает очень многое и не говорит ничего. Человек, научившийся видеть, но забывший показывать.

Ур-Наму не взглянул на неё. Просто пошёл вперёд.

Нин-Сун последовала за ним.

Урук в то утро — в то раннее утро, когда от канала тянуло запахом лотоса и воздух ещё хранил прохладу перед дневным жаром — жил той жизнью, которой живут только большие города.

Звуки налетали отовсюду и наслаивались друг на друга. Зазывала, расхваливавший свой товар. Ребёнок, потерявшийся и звавший мать. Двое мужчин, торговавшихся до хрипоты. Женщина, перекрикивавшаяся с соседкой через крышу. Осёл, протестовавший под тяжёлой ношей.

Запахи тоже шли отовсюду: свежая рыба с рынка у канала, подовый хлеб из пекарни, чья печь не гасла с ночи, навоз, скопившийся в тесных переулках, дорогие духи из лавки купца, открывшего двери, речной запах — особый, только евфратский, запах глины, трав и стоячей воды, — долетавший иногда с ветром.

И краски: синие, красные, жёлтые одежды прохожих, глинобитные стены медового цвета в утреннем солнце, небо — ещё не набравшее полного дневного синевы, золотое ожерелье женщины, мелькнувшей рядом и блеснувшей на свету.

Нин-Сун видела всё это. Слышала всё это. Обоняла всё это.

Но одно привлекало её внимание больше всего остального:

Люди, проходя мимо Ур-Наму, опускали голову.

Не все. Не всегда. Но большинство. Крестьянин с мешком муки на плече. Женщина с корзиной рыбы на голове. Старик с посохом, медленно бредший по улице. Ребёнок, мчавшийся бегом и вдруг остановившийся.

Они опускали голову.

Лёгкий наклон. Взгляд вниз. Потом шли дальше.

Нин-Сун спросила себя мысленно: почему люди опускают голову? Из страха? Или из уважения?

А потом подумала, что, может быть, это одно и то же.

А потом подумала, почему она никогда прежде не задумывалась об этом различии.

Эта третья мысль — это «почему прежде?» — и сделала тот первый день особенным. Это не был самый важный урок, который ей предстояло усвоить. И не самый глубокий. Но первый.

Вблизи зиккурат оказался каменным великаном.

Нин-Сун выросла в деревне Лагаш. Лагаш — деревня с одной главной улицей, маленьким базаром по вторникам, постоянным двором, пустовавшим большую часть времени. Самое высокое строение — дом старосты: двухкомнатное здание из сырцового кирпича с камышовой крышей. Деревенский храм — одна комната с маленькой статуэткой бога, сидевшего в углу так, будто и сам не был уверен, что он здесь.

Старухи Лагаша говорили об Эанна так, будто говорили о рае. Стены там из лазурита, говорили они. Ночами оттуда исходит свет другого цвета, не такой, как обычный. Тот, кто входит туда, уже не становится прежним человеком — в него входит что-то небесное и остаётся с ним до конца жизни.

В детстве Нин-Сун верила. Теперь ей было пятнадцать — и она уже не была уверена, что верит всему подряд.

Она остановилась у подножия лестницы зиккурата.

Ступени уходили вверх. Всё выше и выше. От этой бес-

конечности кружилась голова. Каждая ступень — широкая, из тёмно-серого камня, ещё хранившего ночную прохладу: если приложить руку — почувствуешь холод. Стены были не из лазурита. Из того же обычного кирпича, что и в деревне, только гораздо больше и гораздо аккуратнее. С геометрическими узорами, казавшимися отсюда мелкими, но, наверное, вблизи заполнявшими всё поле зрения.

— *Ступай твёрдо.*

Это сказал Ур-Наму, не оборачиваясь.

— Жрица, которая ковыляет, оскорбляет бога.

— Я ещё не жрица, — сказала Нин-Сун.

Тут Ур-Наму обернулся впервые — впервые с тех пор, как они шли. Он посмотрел на неё прямо. Глаза цвета ила скользнули по её лицу — оценивающе, быстро, как взгляд купца, привыкшего с первого взгляда определять цену вещи.

Нин-Сун поняла это позже. Это был не оценивающий взгляд. Это было узнавание. Ур-Наму хотел понять, из какого теста эта девушка — та ли это, что умеет задавать вопросы.

— С той минуты, как отец вложил твою руку в мою, ты жрица, — сказал он.

Повернулся и начал подниматься.

Нин-Сун сделала глубокий вдох — тот самый вдох, который делают, когда хотят быть храбрыми, хотя храбрость живёт не в лёгких, — и последовала за ним твёрдым шагом.

Более твёрдым, чем она на самом деле чувствовала.

Лили

— *Маленькая комната и девушка, расчёсывающая волосы сто раз*

Комната, которую отвели Нин-Сун, была маленькой — маленькой в буквальном смысле слова.

Кровать. Глиняный кувшин с водой с трещиной на горлышке. Маленький масляный светильник на полке. Стены из сырцового кирпича — того самого обычного кирпича, без рисунков и красок. Потолок низкий — настолько, что высокий мужчина мог бы коснуться его вытянутой рукой. Окна не было. Вместо него — узкая щель под самым потолком, узкая как рот человека, не решившегося что-то сказать. Сквозь неё сочился серый свет, который, казалось, и сам не решил: войти ему или остаться снаружи.

Нин-Сун остановилась на пороге и оглядела комнату.

На соседней кровати сидела девушка.

У девушки были каштановые волосы — тёплого каштанового оттенка, отливавшего в свете светильника янтарём. Волосы длинные, до пояса, и она расчёсывала их. Руки двигались ритмично — гребень поднимался от корней к кончикам, медленно опускался и поднимался снова. Раз, два, три. Раз, два, три.

Нин-Сун поняла это потом: этот ритм — это размеренное движение гребня — было одной из немногих вещей, которые Лили привезла с собой из деревни и которые никто не мог отнять.

— Откуда приехала? — спросила девушка, не поднимая ГОЛОВЫ.

— *Из Лагаша.*

— *Далеко?*

— *Два дня пешком.*

Девушка подняла голову. Глаза у неё были светло-карие — из тех, что при прямом свете становятся почти медовыми. В них жила внимательность, которая удивляла: не книжная, не приобретённая — а та, что даётся опытом. Внимательность человека, научившегося смотреть.

— Я из Эриду. Три дня пути. — Гребень снова двинулся. — Меня называют Лили. Настоящее имя — другое.

— *Мне тоже сменили имя. Нин-Сун.*

— Владычица диких быков. — Лили усмехнулась — коротко, быстро. — Ур-Наму всем, кого сюда приводит, даёт звериные имена. Думаю, это его собственная шутка, которую понимает только он.

Нин-Сун опустилась на свою кровать. Кровати стояли так близко, что обе, вытянув руки, могли бы дотронуться друг до друга.

— *Почему отец привёз тебя сюда?*

Лили на миг остановила руку. — Отец сказал, что видел во сне бога — и тот велел привезти меня в храм.

Короткая пауза.

— Но думаю, у него были долги, — продолжила Лили.

Сказала это просто, без выражения, и вернулась к расчё-

сыванию. Как будто упомянула что-то совершенно незначительное — и пора уже заниматься делами поважнее.

Нин-Сун смотрела на неё. На эти ровные руки. На каштановые волосы, сквозь которые скользил гребень.

— *Многие это знают?*

— *Что именно?*

— *Что у их отцов были долги.*

Лили опустила гребень. Посмотрела на Нин-Сун медовыми глазами — оценивающе, честно. — Некоторые знают. Некоторые — нет. Некоторые знают, но предпочитают не знать.

— *А ты из каких?*

— Из тех, кто знает. — Пауза. — Но здесь это опасно. Поэтому учишься знать — и при этом делать вид, что не знаешь.

— *Это не утомляет?*

Лили засмеялась — на этот раз чуть дольше. — Очень. Но лучшего выхода нет.

Вернулась к расчёсыванию. Раз, два, три. Раз, два, три.

Нин-Сун легла на свою кровать. Уставилась в низкий потолок. В узкую щель, через которую теперь постепенно темнело.

— *Лили.*

— *Что?*

— *Почему ты так много расчёсываешься?*

Рука Лили на миг замерла. — Мама научила. Говорила:

женщина, которая уважает себя, расчёсывает волосы — даже когда всё рухнуло. Ровно сто раз.

Между ними повисла тишина.

— *Где сейчас твоя мама?*

— Не знаю. — Голос не изменился — всё тот же ровный, без интонаций. — С тех пор как меня сюда привезли, я её не видела.

Нин-Сун ничего не сказала.

Лили провела гребнем. Раз. Два. Три.

Ночь первого обряда

— *Эн-Киду и фраза, которую Нин-Сун не забыла*

В первый вечер был небольшой обряд для вновь прибывших.

Их было семеро — Нин-Сун, Лили и ещё пятеро девушек, чьи имена Нин-Сун запомнила в ту ночь, но со временем забыла. Это забывание преследовало её многие годы, хотя она ничего не могла с ним поделать — одни вещи остаются в памяти, другие нет, и выбирает не память, а жизнь.

Зал был большим — настолько, что звук в нём отражался, даже шаги семерых девушек. Потолок уходил так высоко, что свет факелов не достигал его и терялся в темноте — и эта темнота вверху не пугала и не была просто темнотой: она давала ощущение бесконечности.

Стены были покрыты рельефами.

Нин-Сун смотрела на них. Мужчины с бычьими рогами на головах — большими, изогнутыми, которые в те време-

на были знаком силы. Женщины, простёршие руки к небу — руки, застывшие в камне, но сохранившие что-то от того движения ввысь. Существа — полулюди-полузвери — высеченные в камне.

Нин-Сун смотрела на эти рельефы и думала: эти боги очень похожи на несчастных людей.

Потом послышались шаги.

Эн-Киду вошёл через боковую дверь.

Первое, что бросалось в глаза — его рост. Он был выше большинства мужчин своего времени, заметно выше обычного. Но это был не рост юноши. Это был рост старика, который годами держался прямо — из привычки или из гордости, Нин-Сун не могла определить.

Борода была белой — той белизной, которой достигают некоторые волосы в старости: не серой, не кремовой, а совершенно чистой и ровной. Доходила до груди. Ухоженная — той ухоженностью, что приходит от ежедневной привычки.

Одежда тёмно-синяя — синева неба через час после заката, когда уже не день, но ещё не ночь. На груди — лазуритовый знак Ану, бога небес, с его звёздами, поблёскивавший в свете факелов.

Он шёл медленно.

Именно эта медленность привлекла внимание Нин-Сун — потому что это было внутреннее спокойствие, а не внешнее. Человек, спокойный снаружи, иногда выдаёт себя взгля-

дом, руками, уголком рта. Но Эн-Киду был спокоен так, словно выучил это спокойствие — не природное, а натренированное.

Он остановился. Обвёл взглядом семерых девушек.

Взгляд скользнул по всем — быстро, собирая информацию — и задержался на Нин-Сун.

На мгновение. Может быть, полсекунды. Может, меньше.

Но Нин-Сун это почувствовала.

— *Вы пришли служить в доме Ану.*

Голос был низкий — не слабый, а весомый. Из тех, что заставляют вслушиваться, боясь упустить слово.

— *Это честь.*

Он сделал паузу. Нин-Сун в этой паузе пыталась понять: верит ли Эн-Киду в то, что говорит. Так и не смогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.